

Смертельный диагноз

Родственники восстали против равнодушия и некомпетентности врачей

В РЕДАКЦИЮ «ММ» пришло письмо от Людмилы Гордеевой. Крик души – иначе его не назовешь – был вызван тяжким горем – смертью мужа. Валерий Гордеев умер от воспаления легких.

Не в глухой деревне, а в социально ориентированном городе, где на техническое оснащение медицины, кажется, денег не жалеют. История лечения, приведшая к летальному исходу, разворачивалась, как пишет Людмила Сергеевна, следующим образом:

«4 августа 2008 года муж не мог подняться с постели из-за диких болей в пояснице. Медики скорой помощи сделали укол и вызвали на дом участкового врача. Боль была невыносимой, и, чтобы хоть как-то ее заглушить, дочь дала отцу немного спиртного. Пришел участковый врач 109 квартала МУЗ «Городская больница № 3» М. Моканов, но, почувствовав запах спиртного, даже не стал слушать и велел явиться на следующий день на прием. Но на следующий день неутраченная боль не дала мужу встать с постели. Дочь приехала к участковому врачу, сказав, что отец просто не может подняться. Моканов пришел домой, выписал уколы диклофенака. В течение трех недель мужа лечили то ли от радикулита, то ли от остеохондроза. Мы просили врача обратить внимание на состояние почек: в моче была кровь. Но Моканов наших жалоб к сведению не принял.

25 августа муж вышел на работу, но продолжал жаловаться на боли в пояснице. 5 сентября острая боль вынудила его вновь пойти в больницу. Он попал на прием к другому доктору, который направил на рентген тазобедренного сустава. Из больницы мы его так и не дождались. Он потерял сознание на улице, и его доставили в травмпункт этой же больницы, затем в реанимацию. Однако через несколько часов уже перевели во вторую хирургию, сославшись на то, что состояние больного стабилизировалось.

11 сентября нам сообщили, что у мужа запущенная форма пневмонии с подозрением на менингит. Дочь пришла в палату, принесла одежду отцу, который, превозмогая боль, собрался было идти на работу. Но вдруг вздернул руки – у него начались судороги. На крик дочери прибежали врачи и увезли его в реанимацию. Вскоре нам заявили, что у больного началась крупозная пневмония на фоне ослабленного организма. 11 сентября мой муж, отец двоих детей, умер...

Он был сильным, крепким, здоровым человеком. Работал с 18-ти лет до последнего дня и практически в одиночку больше месяца противостоял болезни.

Мы с дочерью пришли к участковому врачу Моканову и спросили: «Почему поставленный диагноз не соответствовал болезни?» На что он ответил: «На что жаловался, от того и лечили».

Трагическая гибель мужа порождает череду вопросов: почему врач первой категории, которым является Моканов, не мог выявить воспаление легких? Почему из реанимации мужа перевели в хирургию? Требую, чтобы таких, как Моканов, близко не подпускали к больным. Необходимо дисквалифицировать врачей, у которых умирают больные, а не платить им такие деньги, которые получают подобные Моканову, – около 40 тысяч рублей, не давая им квартиры».

Я встретила с главным врачом

МУЗ «Городская больница № 3» Михаилом Щербаковым, переадресовав ему вопросы Людмилы Сергеевны. Разговор начался с преприятельства: главврач отказывался говорить при включенном диктофоне. Какой-никакой, а все же документ. Пришлось воспользоваться блокнотом, а затем, здесь же в кабинете прочесть Михаилу Владимировичу записанную под его диктовку речь: «Касательно заявления Гордеевой, могу сказать, что муж с ней не жил... Вскрытие показало, что Гордеев злоупотреблял алкоголем. Боли, по поводу которых вызывали врача, были полирадикулонейропатия. При первичном осмотре Моканов обнаружил его в алкогольном опьянении. Было предложено явиться на прием в поликлинику, но он не пришел на прием. 25 августа у Гордеева не было пневмонии при объективном осмотре, при перкуссии грудной клетки. Пневмония у больного развилась внезапно и, к сожалению, очень часто эта болезнь является причиной смерти больных на фоне пагубного употребления алкоголя. Ему была назначена полноценная антибактериальная терапия, антибиотики третьего поколения.

– Какие меры приняты по отношению к Моканову?
– Доктор Моканов готовит конференцию по этике и деонтологии (деонтология – профессиональная этика медицинских работников, принципы поведения медицинского персонала, направленные на максимальное повышение полезности лечения. – Прим. авт.), кроме того, ему указано

на недопустимость подобных ответов родственникам».

Вот они ему врезали – по первое число, впредь будет знать, как людям неверные диагнозы ставить. Если серьезно, то сначала показалось, что главврач шутит. Причем здесь подробности семейных отношений Гордеевых, акцент на нетрезвом состоянии? Хотя все правильно: оборона строится по известному принципу перехода на личность.

В завершение разговора Владимир Щербаков показал документ – заключение страховой медицинской компании ООО «Астра-Металл». Чтобы его процитировать, пришлось ждать, когда копия придет Людмиле Гордеевой.

Г-н Щербаков уверял, что у пациента при «объективном осмотре не было обнаружено пневмонии». А был ли этот осмотр? Специалисты уверяют, что пневмония при внешнем осмотре устанавливается без труда. Студент-второкурсник знает, что симптомом пневмонии является характерное ослабленное легочное дыхание, «голосовое дрожание». Если ни голос пациента, ни прослушивание фонендоскопом не позволили диагностировать болезнь, то рентген и анализы уж точно бы выявили недуг. При условии, что эти анализы имеются и врач стремится найти причину болезни.

Наконец, у меня появились документы страховой медицинской компании «Астра-Металл» с заключением двух внештатных экспертов. В начале документа цитаты из истории болезни.

Валерия Гордеева лечили таблетками НПВП – это анальгин, аспирин, бутадон и т. д. И еще применяли мазевые аппликации и физлечение. По поводу последнего дремучий в вопросах медицины журналист все же разубедил: физлечение лишь усугубляет пневмонию. Когда больному совсем уж стало невмоготу, «невропатолог, – читаем в заключении, – заподозрил «абстинентный синдром», иными словами банальное пьянство. Если так, то почему не направил к наркологу? Ведь такой диагноз вправе поставить лишь он.

Со времени первого обращения больного прошло больше месяца, прежде чем появились результаты анализов. Один из показателей – лейкоцитоз – грозный сигнал. Значит, в организме гнойное воспаление. При «чистом» остеохондрозе таких показателей нет. Однако диагноз остается почти прежним: «остеохондроз, люмбаго...» – цитирует из истории болезни внештатный эксперт.

Больше месяца Валерий Сергеевич самостоятельно боролся с болезнью, но и его силушке пришел конец. Не дойдя до больницы, он теряет сознание, после чего Гордееву наконец-то проводят рентгенологическое обследование, которое и выявляет пневмонию. Эксперт, опять же, ссылаясь на историю болезни, пишет: «Двухсторонняя внебольничная полисегментарная пневмония, тяжелое течение». В графе «осложнения» вдруг откуда-то появляется запись: «Фоновое заболевание: пагубное употребление алкоголя».

Повторюсь: такой диагноз имеет право ставить только нарколог или патологоанатом. Почему эксперты так упорно ссылаются на пагубное употребление алкоголя, думаю, ясно – спасительная соломинка, которая дает возможность прикрыть чужие врачебные ошибки.

Далее в заключении читаем: «Обследование больного затянато без объективных причин, осмотр терапевта и перевод больного в реанимацию также неоправданно затянато, хотя в хирургическом отделении больной получал лечение... Небрежное оформление истории болезни, скудность лабораторного обследования и т. д.» Что же следует из этой череды, как выразился эксперт, «замечаний», цена которым человеческая жизнь? Вывод следующий: «...основным заболеванием является крупозная пневмония».

Постойте, ведь чуть раньше в графе «основной диагноз» говорилось о двухсторонней пневмонии. Для несведущих вроде одно и то же. Оказывается, разница огромная. Крупозная развивается очень быстро, больной может «гореть» за 5-6 дней. В нашем же случае обычную пневмонию у Валерия Гордеева запустили до того, что гной прорыл в мозг – «вторичный менингоэнцефалит. Сепсис (заражение крови. – Прим. авт.)».

В общем, заключение экспертов очень уж напоминает известный анекдот: «Лечили больного правильно. К сожалению, он покинул нас, но перед смертью изрядно пропотел».

Смерть Валерия Гордеева пополнила статистику врачебных ошибок, неверных диагнозов. Убитые горем родственники надеются, что каждый случай будет расследован как ЧП, виновных накажут. Навивные! Людмила Гордеева попыталась было запросить копии врачебных документов покойного мужа, но в ответ получила отказ от г-на Щербакова со ссылкой на закон. Мотив отказа – «врачебная тайна»(!) Статья 31 Основ законодательства об охране здоровья граждан гласит: если пациент умер,

документы должны быть предоставлены ближайшим родственникам умершего.

Какие меры были предприняты страховой компанией? В документе говорится, что специалистами ООО СКМ «Астра-Металл» применены штрафные санкции к АПУ. Случай был «разобран» с руководителями лечебного учреждения и на врачебной комиссии. «Заместителю главного врача по лечебной работе рекомендовано усилить ведомственный контроль качества медицинской помощи». Понес ли наказание дипломированный медик Моканов? Ах, да, чуть не забыли: если г-н Щербаков выполнил свою угрозу, то сейчас Моканов читает лекции для коллег. Что же касается штрафных санкций, то почему за ошибки конкретных медиков должен отвечать весь коллектив?

По признанию самих врачей, каждая десятая смерть в России случается из-за непродиагностированной вовремя пневмонии. Третий диагнозов в наших лечебных учреждениях ставят неверно. При таком положении вещей в стране практически никому заниматься правами пациентов. Адвокаты не хотят связываться с медицинскими делами. С другой стороны, закон гласит: если неправильный диагноз был поставлен в поликлинике, то бесплатным адвокатом обязаны выступить специалисты страховой компании, выдавшей полис. Однако страховщики не заинтересованы в конфликтах с поликлиниками и больницами. Росздравнадзор больше этим не занимается. Следить за качеством медпомощи по закону теперь обязаны субъекты Федерации.

Однако череда трагических смертей требует изменений на уровне законодательства. Необходимо узаконить регламентированный порядок ведения медицинской документации и строгой отчетности. Ненормальным следует считать и то, что медицинская карта умершего находится в ведении лечебного учреждения. Слишком велик соблазн «подогнать ответ» в задачке, решение которой закончилось смертью. Необходимо открыть для родственников реанимации. Если уж мы избрали эталоном западную систему развития, то необходимо следовать ей и в медицине. Почему новомодные роды при папашах допустимы, а вот к тяжелому больному родственников не допускают? Следует узаконить схемы лечения болезней, отступление от которых не допускается.

Но пока законодательный маховик прокрутится, сколько еще неверных диагнозов приведут к летальному исходу? Какие права родственникам умерших дает настоящий закон? За неправомерно поставленный диагноз медика можно привлечь не только к гражданской ответственности и требовать компенсации морального вреда, но и применить дисциплинарную санкцию вплоть до увольнения. Это в идеале. Как наказали участкового терапевта, мы уже в курсе. Привлечь можно и круговой ответственности, что попыталась сделать Людмила Гордеева, обратившись в прокуратуру Правобережного района. Недавно она получила ответ: «По вашему заявлению была проведена проверка, в ходе которой было принято решение об отказе в возбуждении уголовного дела на основании статей ...УПК».

Столкнувшись с круговой порукой, а вернее, круговой обороной, Людмила Сергеевна останавливаться не намерена. Зачем, ведь супруга не вернешь. По сути, и эта статья, и битва Людмилы Гордеевой преследуют лишь одну цель: чтобы подобное не повторилось. Людмила Сергеевна ополчилась на медиков не за врачебную ошибку, хотя цена ее очень высока – жизнь супруга. Она восстала против равнодушия, некомпетентности, черствости конкретных врачей конкретного лечебного заведения

ИРИНА КОРОТКИХ
КОЛЛАЖ > ОЛЬГА ГАВРИЛОВА